

Политика КНР в отношении устойчивого развития моногородов на рубеже XX—XXI вв.

Иван Валерьевич Ставров,

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела китайских исследований Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток.
E-mail: stavivan@yandex.ru

Настоящая статья посвящена изучению китайского опыта реализации политики в отношении устойчивого развития моногородов ресурсного типа. Моногорода как компонент территориальной структуры хозяйства КНР сыграли немаловажную роль в процессе ускоренной модернизации страны. Они стали важным звеном в создании индустриальной мощи Китая, поставляя предприятиям тяжёлой промышленности необходимые ресурсы — не только непосредственно полезные ископаемые, но и продукты их переработки (например, сталь). Особую роль такие центры играли в механизме плановой экономики, ориентированной в первую очередь на выполнение внутренних производственных задач. Однако после начала политики реформ и открытости такие предприятия вынуждены были начать взаимодействовать с мировыми рынками, что сделало многие из них неконкурентоспособными. Ситуацию усугубило исчерпание природных ресурсов, что поставило перед правительством ряд острых социальных проблем: рост безработицы, снижение доходов населения, ухудшение качества жизни.

Руководство КНР в течение нескольких десятилетий разработало ряд мер, направленных на преодоление кризиса, которые включали перепрофилирование производства, создание новых отраслей, в первую очередь в сервисной сфере, улучшение экологической обстановки. Тем не менее результаты такой политики были половинчатыми, о чём косвенно свидетельствует молчание китайских исследователей. С одной стороны, как правило, местному руководству удаётся достичь определённого экономического роста, с другой — этот рост недостаточно высок, чтобы преодолеть проблему усиления территориального неравенства. Не всегда удаётся решить проблему безработицы и роста реальных доходов населения. Сделан вывод, что проблема моногородов в какой-то степени нерешаема, её можно лишь купировать, о чём свидетельствует опыт развитых стран Западной Европы и США. В связи с этим основные меры китайских властей фактически направлены именно на сокращение масштаба противоречий.

Ключевые слова: КНР, моногорода, города ресурсного типа, региональная политика, «ржавый пояс».

**China's Policy on the Sustainable Development of Monocities
between the End of the Twentieth and the Beginning of the Twenty-First Centuries.**

Ivan Stavrov, Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok, Russia. E-mail: stavivan@yandex.ru.

This paper is devoted to the study of the Chinese experience in implementing a policy regarding the sustainable development of resource-type monotowns. Single-industry towns as a component of the territorial structure of the PRC economy have played an important role in the process of accelerated modernization of the country. They became an important link in the creation of China's industrial power supplying heavy industry enterprises with the necessary resources, not only minerals themselves but also the products of their processing (e.g., steel). Such centers played a special role in the mechanism of the planned economy, which focused primarily on domestic production tasks. However, after the start of the policy of reforms and openness, such enterprises were forced to interact with global markets, which made many of them uncompetitive. The situation was exacerbated by the depletion of natural resources that presented the government with a number of acute social problems: rising unemployment, falling incomes, worsening quality of life.

For several decades, China's leadership developed a series of measures aimed at overcoming the crisis which included re-profiling production, creating new industries, primarily in the service sector, and improving the environmental situation. However, the results of these policies have been half-hearted, as indirectly evidenced by the silence of Chinese researchers. On the one hand, the local government usually manages to achieve some economic growth; on the other hand, this growth is not sufficient to overcome the problem of growing territorial inequality. It is not always possible to solve the problem of unemployment and real income growth of the population. It is concluded that the problem of single-industry towns is to some extent unsolvable, it can only be bought out, as evidenced by the experience of developed countries of Western Europe and the USA. In this regard, the main measures of the Chinese authorities are aimed precisely at reducing the scale of contradictions.

Keywords: PRC, single-industry towns, resource towns, regional policy, Rust Belt.

ВВЕДЕНИЕ

Моногорода как способ пространственной организации производства являются важной составляющей размещения производительных сил в современных государствах. Их появление в значительной степени было связано с расширением промышленности, а также с задачами ускоренного социально-экономического развития стран или регионов. В странах Западной Европы моногорода стали формироваться с началом промышленной революции (вторая половина XVIII в.) и их успешное развитие продолжалось вплоть до 1960-х — начала 1970-х гг. В Великобритании сформировались индустриальные центры в центральной и северо-восточной Англии, в Германии — регион Рура, аналогичные

промышленные регионы были образованы в США и России. Эти территории концентрировали немалые человеческие ресурсы, являлись индустриальными «сердцами» своих стран. Однако к 1970 г. в глобальной экономике начались глубокие трансформационные процессы, связанные с перемещением «традиционного» производства с невысокой долей добавленной стоимости в новые центры (Индия, страны Латинской Америки, КНР и др.), исчерпанием ресурсов в старых промышленных центрах, формированием сервисной экономики. Данные изменения имели значительные социальные последствия: рост безработицы, деградация производственных центров, экологические проблемы [подробнее см.: 3; 8; 13; 17]. Аналогичные тенденции затронули КНР.

Изучению моногородов, ввиду их социально-экономической и политической значимости, посвящена обширная литература, однако в отечественной историографии вопросы истории и современного состояния моногородов в КНР практически не поднимались¹. Среди наиболее значимых исследований для настоящей статьи можно выделить работы А.В. Островского, М.В. Александровой, С.А. Иванова, в которых рассматриваются общие проблемы региональной политики китайского руководства [5; 7]. Изучению урбанизации и демографических вопросов в КНР посвящены исследования И.Г. Чубарова, Е.С. Баженовой [7; 10]. В российской научной литературе непосредственно проблематика моногородов отражена в небольших статьях С.В. Шарганова: в первой рассмотрены особенности дефиниции «моногород» в историографии КНР [12]; во второй осуществлена попытка использования концепций современной экономической географии при изучении моногородов КНР [11]. И.Ю. Зуенко приводил данные о развитии некоторых моногородов (Фусинь, Шуанъяшань) в качестве частного примера реализации политики возрождения старопромышленной базы Северо-Восточного Китая [4; 6].

Китайская литература по изучаемому вопросу обширна, но её особенностью является политическая конъюнктурность и в целом описательный характер. В настоящей статье использована монография Ма Кэ и Ли Цзюньго, в которой приведён обзор истории формирования моногородов в Китае, а также сделан обстоятельный анализ реализации политики возрождения моногородов с исчерпывающимися ресурсами на примере северо-восточного региона страны [27]. Определённый интерес для исследователя представляют аналитические доклады, издаваемые Академией общественных наук КНР по различным проблемам социально-экономического и политического развития. В частности, материалы по изучаемой проблематике представлены в Синих книгах по экономическому развитию Северо-Восточного Китая и провинции Хэйлуцзян за 2012 и 2014 гг. соответственно [21; 23]. В докладах, изданных позднее 2014 г., разделы по моногородам отсутствуют.

В западной историографии² изучение моногородов КНР включено в общий контекст исследования региональной политики, включая политику

¹ В БД РИНЦ по состоянию на 30.06.2022 по запросу «моногорода» значилось 2672 позиции научной литературы (монографии, статьи, тезисы и т.п.). При этом КНР посвящены лишь четыре публикации (две из них — тезисы автора данной статьи, две принадлежат сотруднику ИИАЭ ДВО РАН С.В. Шарганову).

² Здесь я имею в виду англоязычную литературу безотносительно национальной принадлежности авторов в связи с несколькими обстоятельствами: во-первых, нередко

восстановления старых промышленных регионов и моногородов. Среди исследований выделяются труды Ху Сяохуэя и Р. Хассинка, в которых анализируются процессы «замыкания», «эффекта колеи» и «создания возможностей» на примере таких китайских моногородов, как Фусинь (пров. Ляонин) и Цзаочжуан (пров. Шэньси) [14; 15; 16]. В статье Р. Хадсона и Д. Суонтона представлен сравнительный анализ причин упадка сталелитейных производств в Великобритании, Германии и создания их в КНР [17]. Коллективная работа Жуань Фанли, Янь Ляна и Ван Даня посвящена результатам политики возрождения моногородов с исчерпывающимися ресурсами на примере г. Ичунь (пров. Хэйлунцзян) [20].

В Китае монопрофильные города стали появляться сравнительно недавно, главным образом со второй половины XX в. Во многом это было связано со сменой политического режима и с переходом к ускоренной индустриализации советского типа. Однако первые такие центры формировались под влиянием иностранного капитала ещё в конце XIX — начале XX в. Например, центры угледобычи гг. Фусинь и Фушунь (пров. Ляонин) были основаны японской колониальной администрацией и играли большую роль в снабжении Японии этим ресурсом в первой половине XX в. [27, с. 29; 2]. Данные индустриальные центры имели большое значение для процесса модернизации КНР вплоть до 1990-х гг., когда в результате расширяющейся политики «реформ и открытости» начался их упадок. Проблема реструктуризации, возрождения моногородов касается не только Китая, но и всех индустриально развитых стран и не имеет однозначного решения. Целью настоящей статьи является обзор проводимой в КНР политики устойчивого развития моногородов ресурсного типа. Такая постановка вопроса позволит отечественным исследователям использовать китайский опыт при изучении аналогичных проблем в России, в частности на её Дальнем Востоке.

Понятие «моногород», или «монопрофильный город», не имеет чёткого определения в научной литературе. Под этими терминами обычно понимаются «города, на территории которых функционирует одно градообразующее предприятие» [9, с. 7]. Или же в качестве критерия используется занятость населения на предприятии (предприятиях) определённой отрасли: не менее 25% от общего трудоспособного населения [3, с. 84]. В КНР правительство в качестве объекта политики выделяет только моногорода ресурсного типа (*资源型城市 资源型城市 城市*), под которыми понимаются «города, в которых ведущими отраслями промышленности являются добыча и переработка природных ресурсов» [25]. В настоящей статье я буду ориентироваться на это определение.

В КНР уделяется непропорционально большое внимание регулированию на макро- и мезоуровнях, при этом важность микроуровня нивелирована. Эта особенность чрезвычайно затрудняет анализ представленной проблемы, так как эмпирические данные часто просто «уходят в песок»: они отрывочны, нередко их невозможно использовать для сравнений или просто такие материалы внезапно перестают публиковаться.

исследования проводятся в коллаборации с учёными из нескольких стран, во-вторых, статьи китайских исследователей, написанные для англоязычных журналов, подготовлены в соответствии с западными стандартами подготовки научных работ.

ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ МОНОГОРОДОВ КНР

Политика китайских властей в первые годы после основания КНР в немалой степени копировала «советскую модель» развития: шла индустриализация с акцентом на подъём тяжёлой промышленности. Именно на таких принципах основывался план Первой пятилетки (1952—1957). Выше уже отмечалось, что первые моногорода формировались ещё на рубеже XIX—XX вв., некоторые из них сыграли определённую роль в реализации курса на индустриализацию только что созданной Народной Республики, но именно в период КНР было образовано подавляющее число моногородов.

Китайские исследователи выделяют четыре периода истории моногородов. Первый пришёлся на 1950—1960 гг. — «золотой век» советско-китайского сотрудничества, именно тогда СССР принял участие в строительстве 156 крупных промышленных объектов в КНР: автомобилестроительные заводы (например, первый автозавод в Чанчуне, пров. Цзилинь), металлургические комбинаты (Баотоу, Внутренняя Монголия) и др. За первое десятилетие после образования КНР в стране был построен 31 ресурсный моногород, в т.ч. Шуанъяшань, Цзиси, Дацин в пров. Хэйлунцзян, Мааньшань (пров. Аньхой), Хэби (пров. Хэнань) и др. [27, с. 30; 1].

Второй период, который можно назвать «первым периодом застоя», оказался более протяжённым, длился около 20 лет (1961—1980). Именно на это время выпало окончание кампании «Большого скачка» (1958—1960) и выправление её последствий, а также «культурная революция» (1966—1976). Эпоха внутривластной и экономической «турбулентности» не могла не повлиять на процесс развития моногородов. В это время было образовано лишь шесть таких объектов, включая г. Цитаохэ (пров. Хэйлунцзян), Ухай (Внутренняя Монголия), Люпаньшуй (пров. Гуйчжоу) и др. [27, с. 31]. Огромные ресурсы были направлены на строительство так называемого третьего фронта (или «третьего кольца обороны»), когда во внутренних регионах возводились промышленные предприятия, но при этом часто отсутствовали нормальная система транспортных коммуникаций и близкие источники сырья. Фактически невероятные капиталы были потрачены на реализацию очередной утопии председателя Мао [подробнее см.: 18].

Третий период — 1981—1990 гг., или «второй пиковый период», пришёлся на начальную стадию реализации политики реформ и открытости, когда потребность в разработке собственной ресурсной базы была особенно велика. На этом этапе было образовано 24 ресурсных моногорода — 12 угольных, 5 металлургических, 4 нефтепромышленных и 3 лесопромышленных [27, с. 31]. Эпоха 1980-х гг. в КНР — время, когда новые, рыночные, институты стали только зарождаться и приносить первые плоды, поэтому в эти годы роль плана и государственного сектора в экономике была преобладающей. Только со второй половины 1980-х гг. государственные предприятия получили определённую автономию в хозяйственной деятельности, и лишь в начале 1990-х начинается новый этап политики реформ и открытости, когда рыночные факторы стали играть всё возрастающую роль в процессе экономического развития.

С 1990 г. в развитии моногородов начинается период затяжной «депрессии». Во-первых, их численность не выросла. Во-вторых, в ряде городов стали истощаться ресурсы или себестоимость их добычи сделала её нерентабельной [27, с. 30—32]. В-третьих, включение КНР в мировую экономику поставило ресурсные города в зависимость от конъюнктуры мировых цен на сырьё, что при падении цен неизбежно вызывает падение производства со всеми вытекающими последствиями. Именно с 1990-х гг. (точнее, с конца 1990-х) оформляется «ржавый пояс» КНР, включающий в себя старопромышленные районы Северо-Восточного и Центрального Китая³.

ПОЛИТИКА УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ МОНОГОРОДОВ РЕСУРСНОГО ТИПА

Социально-экономическое планирование

Политика устойчивого развития моногородов в КНР начинает разрабатываться в конце 1980-х гг., что было вызвано постепенным исчерпанием ресурсов на старых угольных производствах. В марте 1988 г. на первой сессии ВСНП 7-го созыва был рассмотрен законопроект «Относительно решения проблемы угольных городов», именно с этого времени данные вопросы попали в поле зрения правительства и законодателей [21, с. 314]. Однако специальных политических мер в отношении моногородов не принималось ещё длительное время.

На рубеже XX—XXI вв. власти КНР всё большее внимание начали уделять диспропорциям регионального развития, которые сформировались в результате ускоренного развития прибрежных восточных регионов [подробнее см.: 6, с. 66—82]. В декабре 2001 г. г. Фусинь (пров. Ляонин) был выбран в качестве экспериментального города по перепрофилированию экономической структуры. В 2005 г. к нему были добавлены г. Шуанъяшань и Дацин (пров. Хэйлунцзян), Ляоюань (пров. Цзилинь), а в 2006 г. — Ичунь (пров. Хэйлунцзян) и Байшань (пров. Цзилинь). По результатам эксперимента в декабре 2007 г. были приняты «Мнения госсовета относительно содействия устойчивому развитию ресурсо-ориентированных городов» [24], в которых были закреплены основные направления политики в изучаемой нами сфере [21, с. 314].

Изменение политики в отношении моногородов во многом вытекало из общего курса государства на выравнивание уровней социально-экономического развития регионов КНР, построения «гармоничного общества», ставшее своеобразным лозунгом в правление Ху Цзиньтао (2002—2012). Проблемам моногородов были посвящены разделы в документах более общего характера: пятилетних планах социально-экономического развития КНР, Стратегии

³ Проблему «ржавого пояса» великолепно проиллюстрировал в своих картинах китайский режиссёр Ван Бин (王兵). Например, в девятичасовом документальном фильме «Район Теси: к западу от железной дороги» (кит. «铁西区») показывается жизнь работников одного из подлежащих ликвидации заводов Шэньяна (центр пров. Ляонин). Подробнее о фильме см.: <https://www.kinopoisk.ru/film/528153/>; о Ван Бине: <https://magazeta.com/art-wangbing>.

(а затем и Планах) возрождения старопромышленной базы Северо-Восточного Китая, Плана социально-экономического развития Центрального Китая и некоторых других [подробнее см.: 6, с. 19—82].

12 ноября 2013 г. Госсоветом был утверждён «План устойчивого развития городов ресурсного типа КНР (2013—2020)», содержащий конкретные показатели развития. Согласно документу за этот период объём ВРП в среднем должен был возрастать на 8% в год и достичь 29,1 трлн юаней. Доля добавочной стоимости добывающей промышленности в ВРП — сократиться с 12,8% в 2012 до 8,8% в 2020 г., а аналогичный показатель по сфере услуг — возрасти с 32 до 40%. Немаловажное значение имеют и социальные показатели. Планировалось, что доходы городских и сельских жителей покажут рост более чем на 8% в год и для первых составят свыше 29 700 юаней в 2020 г. (16 033 юаней в 2012 г.), а для вторых — более 14 100 юаней (7607 юаней). Доля зарегистрированной безработицы не должна превысить 5%, кроме того, было заявлено, что к 2020 г. необходимо полностью избавиться от трущоб. Результативность выработки ресурсов предполагалось увеличить на 25% к 2020 г., а зону покрытия лесами — на 1,6% [25].

Предварительные результаты политики устойчивого развития моногородов ресурсного типа

Политике устойчивого развития моногородов уже два десятка лет, и, соответственно, следует подвести некоторые предварительные её итоги. Однако, несмотря на множество публикаций по теме, сделать это чрезвычайно сложно и даже невозможно. Тому есть несколько причин, и главная — изменение курса внутренней политики при новом руководителе КНР — Си Цзиньпине. Как уже отмечалось во введении, изменение политической конъюнктуры привело к исчезновению обобщающих исследований в Китае, на основании которых можно сделать выводы о (не)успешности выполнения «Плана устойчивого развития городов ресурсного типа КНР». Отчасти молчание вызвано, вероятно, и отсутствием серьёзных «прорывов» в данном направлении, что также характерно и для реализации более масштабной «Стратегии возрождения Северо-Восточного Китая и других старопромышленных баз» [подробнее см.: 6]. Несмотря на все эти аргументы, попробую обозначить некоторые тенденции в развитии отдельных моногородов (на примере северо-восточного региона КНР).

На территории Северо-Восточного Китая расположено около 37 ресурсных городов: 15 в Ляонине и по 11 в Цзилини и Хэйлунцзяне. Среди них 26 относят к городам с исчерпанными ресурсами. Их специализация основана на угледобыче, нефтепромыслах, лесной промышленности и др. Исчерпание ресурсов поставило задачу как более эффективной их выработки и использования, так и переориентации всей промышленной сферы моногородов. На изменение социально-экономической ситуации в этих депрессивных районах влияет конкурентоспособность города, обеспеченность финансовыми, производственными и людскими ресурсами [19].

Специализирующиеся на угледобыче города Хэйлунцзяна испытывают проблемы с занятостью населения. Проблема вызвана снижением рентабельности производства ввиду снижения запасов полезного ископаемого, а также изменениями конъюнктуры рынка. В 2015 г. в результате задержек зарплаты, сокращений шахтёры г. Шуанъяшаня (а затем сталелитейщики г. Тунхуа пров. Цзилинь) вышли на улицы с протестами [4]. Негативные социальные процессы приводят к постепенному снижению численности населения. Например, в 2018 г. население г. Цитаохэ за год сократилось на 8900 чел., а Шуанъяшаня на 14 000 чел. Конечно, относительно общей численности населения (777,1 тыс. и 1,408 млн чел. соответственно) это не так много, однако тенденция развивается в течение длительного времени [26]. Аналогичные процессы фиксируются и в других моногородах региона.

«План устойчивого развития» предполагал создание новых отраслей производства. В данном направлении работают народные правительства всех моногородов и провинций, в которые они входят. Например, в г. Цитаохэ открылось производство мебели, которую продают в торговых точках региона. Наибольший интерес представляет случай г. Фусинь. Местное руководство (при поддержке вышестоящих инстанций) организовало масштабное производство ветроэнергетических установок, поставляемых по всей стране. При этом в самом Фусине выработка ветровой энергии для местных потребностей в 2011 г. составила 2000 мВт, тогда как во всей провинции этот показатель в то время составлял 5000 мВт [14; 6, с. 172–173]. В лесопромышленном г. Ичунь (пров. Хэйлунцзян), согласно анализу Жуань Фаньли и его коллег, удалось достичь высоких показателей лишь в сфере охраны окружающей среды, а «до достижения политических целей [«Плана устойчивого развития»] 2020 г. ещё далеко, особенно в области экономического развития» [20, р. 7–8]. Здесь же авторы отмечают, что руководству города не удалось сдержать рост безработицы.

Приведённые разрозненные данные создают картину не самых больших успехов в реализации политики устойчивого развития моногородов. Исследования показывают, что этим городам удалось не провалиться в рецессию, достичь определённого экономического роста, однако он не поспевает за средними значениями не только страны, но и «своей» провинции, что увеличивает территориальное неравенство и не способствует разрешению социальных противоречий [подробнее: 6, с. 172–173; 22, с. 60–69].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Моногорода как компонент территориальной структуры хозяйства КНР сыграли серьёзную роль в процессе ускоренной модернизации страны. Они стали важным звеном в создании промышленной мощи Китая, поставляя предприятиям тяжёлой промышленности необходимые ресурсы, не только полезные ископаемые, но и продукты их переработки (например, сталь). Особую роль такие центры играли в механизме плановой экономики, ориентированной в первую очередь на выполнение внутренних производственных

задач. Однако после начала политики реформ и открытости эти предприятия вынуждены были взаимодействовать с мировыми рынками как напрямую (поставляя туда свои товары), так и опосредованно (колебания мировых цен на ресурсы сказывались на рентабельности производства), что сделало многие из них неконкурентоспособными. Ситуацию в ряде случаев усугубило исчерпание природных ресурсов в некоторых производственных центрах, что поставило перед правительством страны и регионов Китая ряд острых социальных проблем: рост безработицы, снижение доходов населения, ухудшение качества жизни.

Исходя из перечисленных проблем, руководство КНР в течение нескольких десятилетий разработало ряд политических мер, направленных на преодоление кризисных явлений в изучаемой сфере. Эти меры включали переориентацию производства в ресурсных городах, создание новых отраслей, в первую очередь в сервисной сфере, улучшение экологической обстановки. Однако, как и во многих других регионах мира, результаты такой политики были половинчатыми, о чём косвенно свидетельствует молчание китайских исследователей. С одной стороны, как правило, местному руководству удаётся достичь определённого экономического роста, с другой — этот рост недостаточно высок, чтобы преодолеть проблему увеличения территориального неравенства. Не всегда удаётся решить проблему безработицы и повысить реальные доходы населения.

Подводя общий итог, хочу отметить, что проблема моногородов в какой-то степени нерешаема, её можно лишь купировать, о чём свидетельствует опыт развитых стран Западной Европы и США. В связи с этим основные меры китайских властей фактически направлены именно на сокращение масштаба противоречий.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Александрова М.В. Экономика Северо-Восточного Китая и советская помощь КНР в 50-х годах XX века // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Т. 18. М.: ИДВ РАН, 2013. С. 326—348.
2. Александрова М.В. Японский капитал и его значение в развитии промышленности Северо-Восточного Китая (конец XIX в. — 1945 г.) // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Т. 19. М.: ИДВ РАН, 2014. С. 336—358.
3. Зубаревич Н.В. Регионы России: неравенство, кризис, модернизация. М.: Независимый ин-т социальной политики, 2010. 160 с.
4. Зуенко И.Ю. Северо-Восточный Китай на сессиях ВСНП и ВК НПКСК // У карты Тихого океана. 2016. № 44. С. 24—28.
5. Иванов С.А. Северо-Восток в региональной политике центрального правительства Китая в 2000—2010-е гг. // Россия и АТР. 2017. № 4. С. 47—68.
6. История Северо-Восточного Китая XVII—XXI вв. Кн. 5. Северо-Восточный Китай в период возрождения старопромышленной базы / отв. ред. И.В. Ставров, С.А. Иванов. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2018. 356 с.
7. КНР: экономика регионов / под ред. А.В. Островского. М.: ИДВ РАН, 2015. 660 с.

8. Ковалевская Ю.Н. «Ржавый пояс» Дальнего Востока России: специфика деиндустриализации в 1990—2010 гг. // Россия и АТР. 2020. № 1. С. 58—71.
9. Растворцева С.Н., Манаева И.В. Социально-экономическое развитие моногородов Центрально-Чернозёмного района России: проблемы и пути решения. М.: Экон-информ, 2013. 140 с.
10. Чубаров И.Г. Проблемы и перспективы китайской урбанизации // Азия и Африка сегодня. 2017. № 7. С. 21—27.
11. Шарганов С.В. Концепции «эффекта колеи» (“Path-Dependence”), «создания возможностей» (“Path-Creation”) и «замыкания» (“Lock-In”) в контексте политики развития моногородов КНР // Труды Института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. 2021. Т. 34. С. 48—55.
12. Шарганов С.В. Определение и типологизация моногородов в историографии КНР // Итоги и перспективы развития исторической науки на Дальнем Востоке России (Десятые Крушановские чтения, 2021 г.). Владивосток: Дальнаука, 2021. С. 506—515.
13. Birch K., MacKinnon D., Cumbers A. Old Industrial Regions in Europe: A Comparative Assessment of Economic Performance // Regional Studies. 2010. Vol. 44. Iss. 1. P. 35—53.
14. Hu Xiaohui. State-led Path Creation in China’s Rustbelt: the Case of Fuxin // Regional Studies, Regional Science. 2014. Vol. 1. No. 1. P. 294—300.
15. Hu Xiaohui, Hassink R. Place Leadership with Chinese Characteristics? A Case Study of the Zaozhuang Coal-Mining Region in Transition // Regional Studies. 2017. Vol. 51. P. 224—234.
16. Hu Xiaohui, Yang Chun. Institutional Change and Divergent Economic Resilience: Path Development of Two Resource-Depleted Cities in China // Urban Studies. 2019. Vol. 56. Iss. 16. P. 1—20.
17. Hudson R., Swanton D. Global Shifts in Contemporary Times: the Changing Trajectories of Steel Towns in China, Germany and the United Kingdom // European Urban and Regional Studies. Vol. 19. No. 1. P. 6—19.
18. Naughton B. The Third Front Defence Industrialization in the Chinese Interior // China Quarterly. 1988. Vol. 115. September. P. 351—386.
19. Porter M.E. The Economic Performance of Regions // Regional Studies. 2003. Vol. 37. Iss. 6—7. P. 549—578.
20. Ruan Fangli, Yan Liang, Wang Dan. Policy Effects on the Sustainable Development of Resource-Based Cities in China: A case study of Yichun City // Energy Policy. 2021. Vol. 72. P. 1—8.
21. 2012中国东北地区发展报告。东北蓝皮 = Доклад о развитии Северо-Восточного Китая. Синяя книга по Дунбэю. Пекин:社会科学文献出版社, 2012. 378 с.
22. 2013年辽宁经济社会形势分析及预测。辽宁蓝皮书 = Экономика и общество провинции Ляонин в 2013 г.: анализ и прогноз. Синяя книга по провинции Ляонин. Пекин:社会科学文献出版社, 2012. 396 с.
23. 2014黑龙江经济发展报告。黑龙江蓝皮书 = Доклад об экономическом развитии провинции Хэйлунцзян за 2014 г. Синяя книга Хэйлунцзяна. Пекин:社会科学文献出版社, 2014. 354 с.
24. 国务院关于促进资源型城市可持续发展的若干意见。国发(2007)38号 = Мнения госсовета относительно содействия устойчивому развитию ресурсоориентированных городов. Документ Госсовета № 38 (2007). URL: http://www.gov.cn/zhengce/content/2008-03/28/content_4941.htm (дата обращения: 09.12.2019).
25. 国务院关于印发全国资源型城市可持续发展规划(2013—2020年)的通知。国发【2013】45号 [11月12日] = Уведомление Госсовета об издании «Плана устойчивого развития моногородов ресурсного типа (2013—2020 гг.)». Документ Госсовета № 45 от [12 ноября] 2013 г. URL: http://www.gov.cn/zwggk/2013-12/03/content_2540070.htm (дата обращения: 09.12.2019).

26. 王杰. 黑龙江省煤炭资源型城市转型的困境与对策 = Ван Цзе. Тупики и контрмеры перепрофилирования угольных моногородов провинции Хэйлуцзян // 商业经济. 2020. № 8 (528). С. 12—14.
27. 马克, 李军国. 资源型城市经济转型政策研究 = Ма Кэ, Ли Цзюньго. Исследование политики перепрофилирования экономики городов ресурсного типа. Пекин: 科学出版社, 2015. 260 с.

REFERENCES

1. Aleksandrova M.V. *Ekonomika Severo-Vostochnogo Kitaya i sovetskaya pomoshch' KNR v 50-kh godakh XX veka* [Economy of Northeastern China and Soviet Assistance to the PRC in the 1950s]. *Kitay v mirovoy i regional'noy politike. Istoriya i sovremennost'* [China in World and Regional Politics. History and Modernity], vol. 18. Moscow, IDV RAN Publ., 2013, pp. 326—348. (In Russ.)
2. Aleksandrova M.V. *Yaponskiy kapital i ego znachenie v razvitiy promyshlennosti Severo-Vostochnogo Kitaya (konets XIX v. — 1945 g.)* [Japanese Capital and Its Role in the Industrial Development of Northeast China (the End of the 19th Century — 1945)]. *Kitay v mirovoy i regional'noy politike. Istoriya i sovremennost'* [China in World and Regional Politics. History and Modernity], vol. 19. Moscow, IDV RAN Publ., 2014, pp. 336—358. (In Russ.)
3. Zubarevich N.V. *Regiony Rossii: neravenstvo, krizis, modernizatsiya* [Russia's Regions: Inequality, Crisis, Modernization]. Moscow, Nezavisimyy in-t sotsial'noy politiki Publ., 2010, 160 p. (In Russ.)
4. Zuenko I.Yu. Severo-Vostochnyy Kitay na sessiyakh VSNP i VK NPKSK [Northeast China at the Sessions of the National People's Congress and the NPCSC]. *U karty Tikhogo okeana*, 2016, no. 44, pp. 24—28. (In Russ.)
5. Ivanov S.A. Severo-Vostok v regional'noy politike tsentral'nogo pravitel'stva Kitaya ivanov v 2000—2010-e gg. [North-East in the Regional Policy of the Central Government of China in the 2000s — 2010s]. *Rossiya i ATR*, 2017, no. 4, pp. 47—68. (In Russ.)
6. *Istoriya Severo-Vostochnogo Kitaya XVII—XX vv. Kn. 5: Severo-Vostochnyy Kitay v period vozrozhdeniya staropromyshlennoy bazy* [History of Northeast China in the 17th — 21st Centuries. Book. 5: Northeast China during the Revival of the Old Industrial Base]. Ed. by I.V. Stavrov, S.A. Ivanov. Vladivostok, IIAE DVO RAN Publ., 2019, 356 p. (In Russ.)
7. *KNR: Ekonomika regionov* [PRC: Regional Economy]. Moscow, IDV RAN Publ., 2015, pp. 145—237. (In Russ.)
8. Kovalevskaya Yu.N. “Rzhavyy poyas” Dal'nego Vostoka Rossii: spetsifika deindustrializatsii v 1990—2010 gg. [“Rust Belt” of the Russian Far East: Specificity of Deindustrialization in 1990—2010]. *Rossiya i ATR*, 2020, no. 1, pp. 58—71. (In Russ.)
9. Rastvortseva S.N., Manaeva I.V. *Sotsial'no-ekonomicheskoe razvitie monogorodov Tsentral'no-Chernozemnogo rayona Rossii: problemy i puti resheniya* [Socio-Economic Development of Monocities in the Central Black Earth Region of Russia: Problems and Ways of Solving]. Moscow, Ekon-inform Publ., 2013, 140 p. (In Russ.)
10. Chubarov I.G. Problemy i perspektivy kitayskoy urbanizatsii [Problems and Prospects of Chinese Urbanization]. *Aziya i Afrika segodnya*, 2017, no. 7, pp. 21—27. (In Russ.)
11. Sharganov S.V. Kontseptsii “effekta kolei” (“Path-Dependence”), “sozdaniya vozmozhnostey” (“Path-Creation”) i “zamykaniya” (“Lock-In”) v kontekste politiki razvitiya monogorodov KNR [The Concepts of Path-Dependent, Path-Creation and Lock-In in the Context of China's Monocities Development Policies]. *Trudy Instituta istorii, arkhologii i etnografii DVO RAN*, 2021, vol. 34, pp. 48—55. (In Russ.)

12. Sharganov S.V. Opredelenie i tipologizatsiya monogorodov v istoriografii KNR [Definition and Typology of Monocities in PRC Historiography]. *Itogi i perspektivy razvitiya istoricheskoy nauki na Dal'nem Vostoke Rossii (Desyatye Krushanovskie chteniya, 2021 g.)* [Results and Prospects of the Development of Historical Science in the Russian Far East (the Tenth Krushanov Readings, 2021)]. Vladivostok, Dal'nauka Publ., 2021, pp. 506–515. (In Russ.)
13. Birch K., MacKinnon D., Cumbers A. Old Industrial Regions in Europe: A Comparative Assessment of Economic Performance. *Regional Studies*, 2010, vol. 44, iss. 1, pp. 35–53. (In Eng.)
14. Hu Xiaohui. State-led Path Creation in China's Rustbelt: the Case of Fuxin. *Regional Studies, Regional Science*, 2014, vol. 1, no. 1, pp. 294–300. (In Eng.)
15. Hu Xiaohui, Hassink R. Place Leadership with Chinese Characteristics? A Case Study of the Zaozhuang Coal-Mining Region in Transition. *Regional Studies*, 2017, vol. 51, pp. 224–234. (In Eng.)
16. Hu Xiaohui, Yang Chun. Institutional Change and Divergent Economic Resilience: Path Development of Two Resource-Depleted Cities in China. *Urban Studies*, 2019, vol. 56, iss. 16, pp. 1–20. (In Eng.)
17. Hudson R., Swanton D. Global Shifts in Contemporary Times: the Changing Trajectories of Steel Towns in China, Germany and the United Kingdom. *European Urban and Regional Studies*, vol. 19, no. 1, pp. 6–19. (In Eng.)
18. Naughton B. The Third Front Defence Industrialization in the Chinese Interior. *China Quarterly*, 1988, vol. 115, September, pp. 351–386. (In Eng.)
19. Porter M.E. The economic performance of regions. *Regional Studies*, 2003, vol. 37, iss. 6–7, pp. 549–578. (In Eng.)
20. Ruan Fangli, Yan Liang, Wang Dan. Policy Effects on the Sustainable Development of Resource-based Cities in China: A case Study of Yichun City. *Energy Policy*, 2021, vol. 72, pp. 1–8. (In Eng.)
21. 2012中国东北地区发展报告。 [Report on the Development of Northeast China. The Blue Book on Dongbei]. Beijing, 社会科学文献出版社 Publ., 2012, 378 p. (In Chin.)
22. 2013年辽宁经济社会形势分析与预测。辽宁皮书。 [Liaoning Province's Economy and Society in 2013: Analysis and Forecast. The Blue Book on Liaoning Province]. Beijing, 社会科学文献出版社 Publ., 2012, 396 p. (In Chin.)
23. 2014黑龙江经济发展报告。黑龙江皮书 [Report on the Economic Development of Heilongjiang Province in 2014. Heilongjiang Blue Book]. Beijing, 社会科学文献出版社 Publ., 2014, 354 p. (In Chin.)
24. 国务院关于促进资源型城市可持续发展的若干意见。国发(2007)38号 [Opinions of the State Council on Promoting Sustainable Development of Resource-Oriented Cities. State Council Document No. 38 (2007)]. Available at: http://www.gov.cn/zhengce/content/2008-03/28/content_4941.htm (accessed 09.12.2019). (In Chin.)
25. 国务院关于印发全国资源型城市可持续发展规划(2013—2020年)的通知。国发【2013】45号 [11月12日] [Notification of the State Council on the Release of the "Sustainable Development Plan for Resource-Oriented Cities (2013—2020)". State Council Document No. 45 of [November 12] 2013]. Available at: http://www.gov.cn/zwgk/2013-12/03/content_2540070.htm (accessed 09.12.2019). (In Chin.)
26. 王杰. 黑龙江省煤炭资源型城市转型的困境与对策 [Wang Jie. Deadlocks and Countermeasures of Coal Monotown Conversion in Heilongjiang Province]. *商业经济*, 2020, no. 8 (528), pp. 12–14. (In Chin.)
27. 马克, 李军国. 资源型城市经济转型政策研究 [Ma Ke, Li Junguo. A Study on the Policy of Re-Profiling the Economy of Resource-Type Cities]. Beijing, 科学出版社 Publ., 2015, 260 p. (In Chin.)

Дата поступления в редакцию 15.07.2022